

УДК 001.38

DOI: 10.17223/1998863X/45/23

И.Т. Касавин

НАУЧНЫЙ РЕАЛИЗМ, ОНТОЛОГИЯ И МИСТИКА¹

Ведется полемика с тезисом о необходимости исторической онтологии наряду с исторической эпистемологией. Историческая эпистемология понимается как анализ условий смены эпистемических стандартов, эпистемических разрывов, несоизмеримости парадигм (Т. Кун), не имеющих концептуально-рационального объяснения. Лишь онтологические интуиции, метафизическое стремление понять, что именно познается, позволяет перекрыть эпистемические пропасти, обязанные смене способов познания, тому, как именно познается. Критика этой позиции основана на дисциплинарной неотличимости исторической эпистемологии и онтологии и взаимной переплетенности объекта и субъекта в познании. Преодоление недостатков концептуализации путем апелляции к интуиции невозможно без перевода интуиции в понятный план. В противном случае «онтологический поворот» ведет к отказу от философского анализа в пользу наивной веры, художественного воображения или даже мистического прорыва в трансцендентное.

Ключевые слова: научный реализм, историческая онтология, историческая эпистемология, онтологическая интуиция, вещи, концептуализация, мистицизм.

Вопрос о возможности исторической онтологии, поставленный О.Е. Столяровой, отнюдь не является пустым. В самом деле, такую возможность трудно обосновать по аналогии с возможностью исторической эпистемологии, понятой как философия истории науки. Ведь история науки дает нам материал о том, как развивались наши знания о мире, а также о развитии самого познания как особого вида деятельности. Тем самым философия, и эпистемология в частности, обеспечивается достаточным материалом для рефлексии и об объекте познания, и о его субъекте через деятельность, которую он практикует. И напротив, как полагает О.Е. Столярова, концептуальный статус исторической онтологии отличается известной «наивностью», т.е., насколько я понимаю, большим доверием к данным самих наук, а не исторической рефлексии о них. В противном случае не преодолеть онтологических пропастей, создаваемых историками типа Т. Куна. Поиск «онтологического референта» исторических разрывов в исторических реконструкциях научного знания – вот задача, которую Ольга Евгеньевна вменяет исторической онтологии. Результаты этого поиска неочевидны, однако автором проводится мысль о снижении уровня концептуализации в направлении анализа не столько теорий, сколько научных практик и материальных условий познания. Именно они якобы ответственны за формирование «онтологической интуиции» как фундамента или даже метода исторической онтологии.

Что же волнует сторонников исторической онтологии? Почему они стремятся обосновать самоценность этого подхода наряду с исторической эпистемологией или даже вместо нее? Похоже, что непосредственные причи-

---

¹ Исследование выполнено по гранту РФФИ № 18-18-00238, «Негумбольтовские зоны обмена: идея и проект новой научной инфраструктуры».

ны такого интереса в пресловутом «онтологическом повороте» [1], происходящем последние три десятилетия в рамках целого кластера эпистемологических и науковедческих подходов. Именно так: не метафизика (онтология) Гегеля или Уайтхеда, а определенные сдвиги в философии познания обусловили онтологическую повестку. Точнее, к этому привела внутренняя конкуренция эпистемологических трендов в поисках новых идей и аргументов. О какой конкуренции идет речь? Ее эмблемы – это воинственные названия статьи Д. Блура «Анти-Латур» [2], книги П. Богосяна «Страх знания. Против релятивизма и конструктивизма» [3] или коллективной монографии «Релятивизм как болезнь философии» [4]. Главный вопрос здесь – о реальности, способах ее существования и познания, а центральные контрверсы сталкивают друг с другом реализм и релятивизм, фундаментализм и скептицизм, эссенциализм и феноменализм, репрезентацию и конструкцию. Примечательно, что онтологическую повестку спровоцировали именно реалисты в надежде на решающий довод против своих соперников. Они призывают «назад к вещам», копируя Э. Гуссерля, и обвиняют противников в «забвении бытия» прямо по М. Хайдеггеру. Парадоксально, что оба эти лозунга не имеют ничего общего ни с научным, ни с метафизическим реализмом и даже противоположны их символам веры. Однако это не мешает одному из лидеров онтологического поворота, Б. Латуру, агрессивно провозглашать «Вещи дают сдачи!» [5], словно «вещь» – это последнее основание онтологии и никакой даже самый прозорливый взгляд дальше не проникает. Пусть очарованность Латуром в определенной степени естественна для переводчика его статьи, который и инициировал настоящую дискуссию. В самом деле, в онтологических призывах можно обнаружить скрытый элемент магии и мистики, а именно дуалистической метафизики, в которой параллельно бытию существует сознание и примерно так же сопряжены онтология и эпистемология.

Так, О.Е. Столярова указывает, что «онтология и эпистемология всегда шли и идут бок о бок, поскольку первая удовлетворяет (или стремится удовлетворить) вечный метафизический запрос, вечное метафизическое беспокойство мыслящего субъекта, тогда как задача второй состоит в том, чтобы (аналитически. – И.К.) легитимизировать усилия и результаты первой». Казалось бы, это значит, что онтологическая интенция совпадает с целью философского дискурса, в то время как эпистемология есть лишь его инструментарий. Однако не все так просто. Во главе угла совсем иная проблема «изменения принципов познания, изменения, которое не подчиняется больше неизменным логическим структурам и не может быть редуцировано к неизменному». Эти изменения больше нельзя оставлять в «подчиненном положении результата познавательной активности субъекта», по И. Канту: ему нужно найти «онтологический», читай: «независимый», «объективный» референт. Следуя за М. Фуко в его критике трансцендентальной философии, автор могла бы обратить внимание на современный трансцендентализм. Он, как известно, воспринял фихтеанскую интерпретацию философии Канта в направлении полной элиминации «вещи в себе» и достижения «объективности» путем десубъективации (депсихологизации) самого сознания. По сути, О.Е. Столярова так и делает, привлекая внимание к «онтологическим интуициям», к «потоку сознания», к тому, что рождается вне сознательного мыслительного усилия субъекта, спонтанно и стихийно, и в этом смысле – объек-

тивно. Эти интуиции, по ее мнению, важны для понимания той содержательной метафизики, которая образует фундамент исторической онтологии. Интуиции способны перекрыть концептуальные пропасти, возникающие при рефлексивном наблюдении того, как изменяются условия познания. Вычленение (не рефлексивное, а образное, ведь иначе интуиции исчезают) этих интуиций и есть, видимо, главная задача исторической онтологии. Историческая онтология, похоже, стремится к снятию принципа дополнительности через то, что можно назвать «редукций категоризации» (и что зеркально противоположно редукции волновой функции). Это напоминает устремления физиков, искавших эссенциалистские интерпретации квантовой механики путем введения скрытых параметров.

Однако даже в таком виде тезис об «онтологическом» характере интуиций – в отличие от эпистемологической природы концептуализаций – вызывает больше вопросов, чем дает ответов. Почему бы не вспомнить об онтологии в некотором ином смысле, как коммуникативном бытии науки, вне которого трудно выстроить убедительное понимание познания? [6]. Ведь лишь для классического метафизического реалиста познание исчерпывается тем, что аналитические эпистемологи именуют аббревиатурой ЖТВ (*justified true belief*) – обоснованным истинным убеждением. На деле же знание существует в самых разных формах: как научное понятие или суждение, обыденное мнение, технический рецепт, нравственная норма, эстетический идеал, религиозный опыт, культурный артефакт и многое другое. А потому преодоление концептуальных разрывов с помощью интуиций не содержит в себе ни онтологии, ни реализма в какой-то большей степени, чем, к примеру, научно-рефлексивное осмысление художественного произведения, т.е. концептуализация интуиций. И та и другая процедуры проходят в сфере сознания и могут быть предметом эпистемологического анализа. И потому историческая онтология не может не быть концептуализацией онтологических интуиций, поскольку иначе она не в состоянии претендовать на теоретический статус.

Тезис о том, что историческая эпистемология и историческая онтология находятся в отношении дополнительности особого рода, опять-таки не столько проясняет, сколько запутывает все дело. Эпистемолог всегда имеет перед собой, по крайней мере, два ряда событий. Один ряд касается объектной стороны познания, т.е. того содержания, которое в данный момент находится в фокусе исследовательского внимания познавательного субъекта, выступающего в качестве объекта эпистемологического наблюдения и описания. Другой ряд событий относится к субъектной стороне познания. Это содержание, которое, как правило, находится на периферии внимания того же познавательного субъекта – объекта эпистемологического наблюдения и описания. Анализируя объектную сторону познания, эпистемолог (исследователь второго уровня) может в большей степени опираться на знания и рефлексии наблюдаемого субъекта исследователя первого уровня. Так, именно ученый (физик, химик, биолог) и никто иной способен представить философу науки наиболее объективную информацию об объекте своего исследования здесь и сейчас. Историк науки заменяет ученого в том случае, если речь идет о науке иных эпох. Вне сомнения, философ науки обязан подвергнуть знания и учебного-предметника, и историка науки критической рефлексии, но для этого он сам хотя бы отчасти должен быть способен занять позицию одного из них.

В отличие от этого, исследование субъектной стороны познания совершенно невозможно вне теорий и данных целого ряда наук, изучающих познавательный процесс (от истории и социологии науки до когнитивной психологии и лингвистики). Здесь роль философской рефлексии возрастает, поскольку радикально расширяется свобода выбора информационных ресурсов поле дискуссии и критической оценки. Полипарадигмальность когнитивных наук (в широком смысле) уже предполагает взаимную критику разных концепций, из которой эпистемолог может черпать аргументы и материал для осмысления. Однако и в том и в другом случае невозможно обнаружить сию таинственную субстанцию, которая именуется «онтологией», отдельной от эпистемологии. Научная, обыденная или религиозная картина мира (онтология как теоретическая модель или как учение о роде бытия) объективна в мере объективности тех интуиций, понятий и методов, с помощью которых она создается. И здесь поиски и обоснование объективности бытия и сознания сливаются воедино.

Терминологические совпадения исторической онтологии с «фундаментальной онтологией» феноменологов отнюдь не случайны. Историческая онтология, пытаясь преодолеть «иррационализм» тезиса несоизмеримости, призывает открыть двери иррационализму иного типа. Он выстраивается как особая наивно-онтологическая установка, «выносящая за скобки» социальную природу и социальную обусловленность научного знания, существование науки как социального института. Вместо этого историческая онтология редуцирует теоретические концептуализации до «онтологических интуиций» и призывает к вере в онтологический статус «материальных» научных практик как формы непосредственного контакта с реальностью. Но эти практики в той части, которая не определяется формирующими их теориями, глубоко таинственны и даже мистичны, прямо по Л. Витгенштейну или М. Полани. Они показываются, но не объясняются; переживаются, но не познаются. В их сердцевине – молчаливое понимание, а не вербальный дискурс. Они едва ли выразимы в тех собственно научных формах рассуждения, которые являются предметом научно-философского исследования¹. Здесь философия, призывая к прорыву в трансцендентное [7], доходит до предела своей компетентности и превращается в искусство и миф.

Литература

1. Неретина С.С., Огурцов А.П. Реабилитация вещи. СПб. : Миръ, 2010. 800 с.
2. Bloor D. Anti-Latour // *Studies in History and Philosophy of Science. Part A*. 1999. № 30 (1). P. 81–112.
3. Boghossian P. *Fear of Knowledge. Against Relativism and Constructivism*. Oxford : Oxford University Press, 2006. 139 p.
4. Релятивизм как болезнь современной философии. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. 392 с.
5. Латур Б. Когда вещи дают сдачи : Возможный вклад «исследований науки» в общественные науки / пер. с англ. О.Е. Столяровой // *Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия*. 2003. № 3. С. 20–39.
6. Касавин И.Т. Зоны обмена как предмет социальной философии науки // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2017. Vol. 51, № 1. P. 8–17.

¹ При этом историческая эпистемология как способ конструирования гетерогенного развития науки на стыке научного и вненаучного знания может и не прибегать к реалистическому онтологизму [8].

7. Гайденок П.П. Прорыв к трансцендентному : Новая онтология XX века. М. : Республика, 1997. 495 с.

8. Shaposhnikova Y.V., Shipovalova L.V. The demarcation problem in the history of science, or what historical epistemology has to say about cultural identification // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2018. Vol. 55, № 1. P. 52–66.

Ilya T. Kasavin, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: itkasavin@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 45. pp. 217–221.

DOI: 10.17223/1998863X/45/23

SCIENTIFIC REALISM, ONTOLOGY AND MYSTICISM

Keywords: scientific realism; metaphysical realism; historical ontology; historical epistemology; ontological intuition; things; conceptualization; mysticism; epistemological gaps.

The problem posed by Olga Stoliarova in her article is particularly relevant in the context of a heightened confrontation between the supporters of “scientific realism” and those who criticize the naïve or metaphysical realism and contrasts it with socio-constructivist and socio-epistemological approaches. A justification of the autonomy of historical ontology, its “parallelism” with historical epistemology is designed to give arguments in favor of the priority and self-worth of “ontological intuitions”. And here historical ontologism finds itself facing the already known issue of incomprehensibility of reality in itself, and the inability to talk about reality outside a definite – either scientific or non-scientific – language. Scientific language is the language of various kinds of theories: all terms acquire meanings through involvement in some conceptual system. The difference between theories gives rise to the problem of conceptual incommensurability, which can hardly be resolved by appealing to ontological intuitions of a non-scientific character. Indeed, in this case historical ontology in search of a justification for the unity of scientific knowledge goes far beyond the latter and replaces “conceptual irrationalism” by a mystical faith in the transcendent. And it is not the result that would satisfy scientific realists or the proponents of Bruno Latour who inspired the “ontological turn”.

References

1. Neretina, S.S. & Ogurtsov, A.P. (2010) *Reabilitatsiya veshchi* [Rehabilitation of the thing]. St. Petersburg: Mir".
2. Bloor, D. (1999) Anti-Latour. *Studies in History and Philosophy of Science*. 30(1). pp. 81–112.
3. Boghossian, P. (2006) *Fear of Knowledge. Against Relativism and Constructivism*. Oxford: Oxford University Press.
4. Lektorskiy, V. (2015) *Relyativizm kak bolezni' sovremennoy filosofii* []. Moscow: Kanon+, Reabilitatsiya.
5. Latour, B. (2003) Kogda veshchi dayut sdachi: Vozmozhnyy vklad “issledovaniy nauki” v obshchestvennyye nauki [When Things Give Surrender: A Possible Contribution of “Science Research” to Social Science]. Translated from English by O.Ye. Stolyarova. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya – Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. 3. pp. 20–39.
6. Kasavin, I.T. (2017) Trading zones as a subject-matter of social philosophy of science. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 51(1). pp. 8–17. (In Russian). DOI: 10.5840/eps20175111
7. Gaydenko, P.P. (1997) *Proryv k transsendentnomu. Novaya ontologiya XX veka* [Breakthrough to the Transcendental. New Ontology of the Twentieth Century]. Moscow: Respublika.
8. Shaposhnikova, Y.V. & Shipovalova, L.V. (2018) The demarcation problem in the history of science, or what historical epistemology has to say about cultural identification. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 55(1). pp. 52–66. DOI: 10.5840/eps20185518